

Чтобы спокойно подготовиться к экзамену, Анатолий решил в одиночку надолго засесть в читальном зале областной научной библиотеки до самого ее закрытия. В институте сразу не дадут позаниматься, то один знакомый объявится, то другой. А то убедительно соблазнят чем-нибудь особо заманчивым на вечер, прощай тогда настрой на учебу и все его благие намерения! А потом целый семестр существуй без стипендии. А в науке обстановка совсем другая, массивные столы с лампами под зелеными абажурами располагали к серьезным занятиям. Вряд ли там окажется кто-то из его непутевой шатии-братии, значит, и посылать никуда никого не придется. Вот такой имелся у Толика хитрый план.

Однако, и там без встречи со знакомыми не обошлось, точнее, со знакомой. Впрочем, если еще точнее, по большому счету знакомством, даже шапочным, назвать это представлялось большой натяжкой. Просто не раз виденная прежде девчонка с нестандартной, отличной от других и потому запоминающейся внешностью. Анатолий даже имени ее не знал. Конечно, помешать его серьезным занятиям она никак не могла, но пройти мимо и не обратить на нее внимания не получилось.

Прежде всего в глаза бросался необычный цвет кожи. Если бы у коренного жителя Экваториальной Африки убрать черную составляющую природной наружной окраски и оставить только насыщенную до темноты ее синюю часть, пожалуй, могло получиться подобное. Только фиолетово-баклажановый отлив лица и открытых участков тела девушки, приглушенный землисто-чернильным оттенком не имел ничего общего с естественным цветом или приобретенным загаром за много часов под палящим солнцем. Почти агатовые губы, слегка присыпанные серебристым блеском, не являлись результатом наложения чрезмерно темной помады. А сине-черным ногтям на удлинненных тонких пальцах рук, походивших на живущие отдельной жизнью лапы, вполне хватало легкого покрытия бесцветным лаком.

Спустя лет тридцать любая готтка обзавидовалась бы такому натуральному макияжу, но в то время о подобной разновидности субкультуры будущего никто, естественно, представления не имел. Да и само понятие субкультуры в обиходе отсутствовало, изредка ненавязчиво встречались полухиппи, либо их подражатели, но все они так или иначе вполне вписывались в советские реалии, то есть либо работали, либо учились. Безработицы, как и тунеядства детей цветов на капиталистическом Западе, у нас просто не существовало.

Да и в мелких чертах ее неестественно смуглого лица совершенно не проскаль-

звало ничего африканского. Ненормально субтильная, просто ходячие мощи, тонкие ключицы выпирали из-под кожи в широком вырезе вязаной кофточки без ворота. Длинные ноги-щепки в ярких полосатых гетрах, беспокойно подвижные, словно готовые куда-то сорваться и бежать в любую минуту, речь торопливая и сбивчивая.

Много позже знакомый Анатолию питерский поэт из Митьков в порыве пьяного вдохновения шедеврально высказался о подобной худышке, пересекшей его жизненный и творческий путь:

*Тили-тили-тили-ти,
тоненькие ножки,
тили-тили-тили-ти,
красные сапожки.
Тили-тили-тили-ти,
маленькие тити,
Тили-тили-тили-ти,
что же Вы хотите?!*

Странно, в тот библиотечный вечер на нашей героине, одевшейся уже для улицы, оказались именно такие красные сапоги под белой кроличьей шубкой!

При всем том ее внешний облик нельзя было посчитать милым или приятным, как, впрочем, и отталкивающим. Не красавица, но и не уродица какая. Только все отдельные штрихи с линиями сплетались в казавшийся неправильным единый образ. Что-то с нею было явно не так, какая-то искаженная экзотика или уже патология, даже если постараться забыть на мгновение необычный цвет кожи.

Выразительные, влажно блестящие темные глаза с любопытством сверлили подходивших посетителей мужского пола, не задерживаясь на женщинах. Некоторым становилось не по себе под столь бесцеремонным разглядыванием странной девушкой. Другие же воспринимали то прямым приглашением к знакомству.

Когда Анатолий столкнулся с ней нос к носу в гардеробе областной библиотеки, то сразу без труда припомнил, где и когда встречал столь не похожую на других то ли тростинку, то ли ожившую мумию. Правда, теперь девчонка выглядела гораздо старше, хотя прошло всего год или два, только ее поразительная худоба оставалась прежней.

В теплое время Толик нередко видел ее по вечерам на лавочках в скверах, всегда в больших компаниях парней. Обычно они занимались распитием дешевого вина из пущенного по кругу стакана под оружий кассетник или шестиструнку в умелых руках местного самородка. Нередко там оказывались знакомые, и его радушно принимали в подобрывшуюся бражку. Среди собиравшейся в центре города молодежи многие знали друг друга не только в лицо, но болезненно худая смуглянка раньше не попадалась ему на глаза, иначе бы навсегда врезалась в память, как произошло теперь.

Потом, примечая необычную девушку то издалека, то вблизи, он убеждался, что общительная, бесцеремонная незнакомка всякий раз оказывалась с разными парнями, а пила при том наравне со всеми, будто пыжилась что-то доказать или показать назло другим и самой себе. Нисколько эта шкода ему не нравилась, даже в голову не приходило познакомиться с ней или попытаться увести куда-нибудь в темную аллею, как это делали на его глазах другие. Хотя раз другой Толик ловил на себе ее оценивающий взгляд, похоже, заинтересовать особо не смог, впрочем, ничего для того и не предпринимал. Определенно, их легкая мимолетная антипатия получилась тогда взаимной. Не похожая ни кого девчонка, не слишком удачный эскиз женщины, не соответствовала его вкусу и не только внешне, но не запомнить такую оказалось невозможно.

И вот она предстала перед ним гардеробщицей здесь, в натопленной библиотеке. Молча, с веселым презрением приняла у него зимнюю куртку и волчью шапку, будто это он сейчас в чем-то одалживался у нее. Насмешливо посмотрела так, что все сомнения исчезли, она его прекрасно помнила.

Случилось странное, когда уже после сигнала о закрытии библиотеки на сданный номерок Толик принял назад свою одежду из тонких рук девушки, та неожиданно коснулась его рукава и спросила, не сомневаясь в возможном ответе:

— Проводишь меня, студент? Я живу недалеко...

На просьбу это не походило, скорее приказ, изъявление воли, но отказать он почему-то не смог.

— Придется чуток подождать... Лады?

Когда она отправила последнего припозднившегося читателя, заперла дверь гардеробной и выскользнула в вестибюль к послушно дожидавшемуся Анатолию, на ней уже красовались те самые красные сапожки на каблуках и белая шубка до колен.

Потом, спустя совсем немного времени, они долго целовались в обшарпанном выстуженном подъезде трехэтажной постройки не то сталинских, не то раннехрущевских времен.

Губы ее оказались поначалу такими же холодными, как и пальцы рук.

— Зато сердце горячее,— улыбнулась она в лестничном полумраке на его удивленный вопрос. Единственная электрическая лампочка горела где-то на верхней площадке, и ее слабый свет почти не доходил до них, придавая призрачному лицу девушки загадочный незавершенный вид. Да еще этот собачий холод с улицы, казалось, не только наполнял через разбитую дверь внизу весь подъезд, но и проникал прямо в душу.

Она пылко прижималась к нему всем телом, чтобы уже через минуту нервно закурить длинную болгарскую сигарету, извлеченную из пачки в сумочке. Затем, следуя какому-то лишь ей самой известному ритуалу, настойчиво подносила ее фильтром к губам Анатолия, понуждая присоединиться к важному для нее акту курения. Чтоб не обидеть, он делал вид, будто затягивается, хотя никогда не курил по-настоящему, просто набирал дым в рот, вдыхать его в легкие представлялось ему полным идиотизмом, чем-то противным и противоестественным. Если она и заметила такую уловку в темноте, то лишь хитро улыбнулась на мгновение. Да и то, он не был уверен, что это ему не показалось.

Как бы извиняясь, что не приглашает к себе, девушка пояснила, что живет с довольно строгими родителями. Точно в подтверждение этих слов этажом выше слышался звук отворяемой двери, после короткой паузы недовольный женский голос велел немедленно идти домой. Скорее всего, они забылись и заговорили достаточно громко, чтобы их услышали наверху.

Имя у нее оказалось незамысловатым и одновременно красивым: «Наташа». Именно так назвала ее сердитая женщина, безошибочно определившая присутствие дочери в подъезде, уточнение, что это ее мать, выглядело излишним.

При первых звуках командного родительского голоса девушка испуганно вздрогнула и резко отпрянула. Затем, как бы спохватившись, торопливо поцеловала напоследок, но отстраняясь от его рук, уже на ходу перед тем, как взлететь наверх по ступеням, горячо шепнула:

— Все, все... Пока!..

Именем провожатого Наташа ни разу не поинтересовалась, будто оно представлялось ей совершенно безразличным. Даже номерами телефонов не обменялись. Конечно, Анатолий всегда мог найти ее на работе, там же, в гардеробе областной научки. Но ему совершенно не хотелось никакого продолжения, ни завтра, ни потом. Экзамены висели на носу, получение стипендии на полгода представлялось самым важным. Главное, все с этой девчонкой, жадно и умело целующейся враскоряку, как опытная

изголодавшаяся по ласкам женщина, показалось не таким, неправильным. После неожиданного для него шквала страстных поцелуев от податливых холодных губ он не испытывал восторга. Весь путь до своего дома и позже на следующий день ощущал странную разбитость во всем теле, словно после долгой изнуряющей тренировки в спортзале.

В ближайшие дни ходить в читальный зал уже не требовалось, к экзаменам он готовился дома по раздобытым конспектам и учебникам. А после сессии и вовсе причин к тому не осталось. Видеть же Наташу ему тогда совершенно не хотелось. Снова Анатолий попал в областную библиотеку лишь через несколько месяцев, когда последние необычно жаркие дни весны не отличались уже от лета. Гардероб не работал, его знакомой на месте не оказалось. Спрашивать же о ней он никого не стал.

Раза два, не отдавая себе отчета, зачем так поступает, Толик приближался к ее дому и, побродив вокруг, долго стоял в отдалении, наблюдая за парадной дверью знакомого подъезда. Он и сам не мог понять, в самом ли деле хочет увидеть еще раз необычную девушку? Будто своими торопливыми жадными поцелуями с одного раза она сумела закодировать или приворожить его к себе. Впрочем, он все реже о ней вспоминал.

К этому времени Анатолий познакомился с выпускницей средней школы, они проводили теперь большую часть свободного времени вместе. А через полтора года, незадолго до окончания им мединститута, молодая пара поженилась и закрепила свои отношения ребенком.

Как-то воскресным днем на улице он увидел Наташу в обнимку с двумя развязанными парнями. Все трое были явно навеселе и направлялись от ближайшего кафе к поджидавшему их такси. Девушка громко и неискренно смеялась на матерные шутки спутников. Ярко накрашенные губы выделялись алым пятном на темном фоне лица. Такая же субтильная, угловатая, без малейших намеков на округлости, по-прежнему вся неестественно баклажаново-смуглая, даже с вызывающе почти кровавым ртом, она выглядела намного старше, уже вполне смотрелась женщиной средних лет, будто не три года, а целый десяток минул с того холодного вечера в темном подъезде.

Даже сохранившаяся внешняя живость представлялась со стороны вымученной и жалкой. Потрепанный вид выдавал не то запредельную усталость торопившейся жить «на полную катушку» быстро стареющей дамы, не то скрытую внутри нее болезнью. Ничего он к ней не почувствовал, даже усомнился, именно ли с ней целовался когда-то или с какой-то другой, очень на нее похожей? Но нет, никого больше с такой внешностью он не знал.

Наташа не заметила его или не узнала, да и не до того ей было. Водитель такси услужливо распахнул дверцу, и веселая компания после нескольких попыток погрузилась на заднее сиденье, чтобы продолжить праздник в другом месте.

После получения диплома Анатолию предстояло пройти годичную интернатуру по выбранной специальности. Несколько месяцев он обучался в кардиологии городской клинической больницы. Там и встретился снова со странной смуглянкой.

Наташу перевели из реанимации, куда доставила скорая помощь в почти бессознательном состоянии. Но уже через двое суток после интенсивной терапии больной стало настолько лучше, что ее без опасений перевели в обычную палату кардиологического отделения.

Не сразу решился Анатолий навестить давнишнюю знакомую. Лечащим врачом Натальи назначали опытного ассистента кафедры, так что никакого отношения к ее дальнейшей судьбе интерн-первогодка не имел. Да и кто она ему вообще?!

Из докладов на утренних пятиминутках он узнал, что у девушки своевременно не оперированный тяжелый порок сердца, она находится в здешней клинике не впервые, все тут ее хорошо знают, и оптимистичный прогноз болезни для нее давно исключен.

Наташа родилась в маленьком селе за сотню километров от областного города. Кроме ближайшего фельдшерско-акушерского пункта, обращаться за медицинской помощью следовало только в райцентр, до которого надо было еще добраться, и не факт, что там нужный специалист мог оказаться на месте.

Родители смирились и привыкли к синеве кожи долгожданной единственной дочки. Только когда ей исполнилось двенадцать, из-за участвовавших обмороков отвезли Наташу на обследование в областную поликлинику, где девочку сразу определили в детский стационар. До повсеместно доступной высокотехнологичной кардиохирургии оставалось три-четыре десятилетия. Ультразвуковые исследования еще не вошли в повседневную практику даже в крупных городах. Но рентгена и фонокардиоскопии хватило, чтобы безошибочно подтвердить диагноз врожденного порока, да еще такого сложного, как пентада Фалло.

Хотя сроки для вмешательства значительно упустили, родителям предложили прооперировать Наташу, впрочем, с малыми шансами на полный успех, от чего они сразу категорически отказались.

В последующие годы отец и мать продали дом с участком и переехали в областную город, чтобы обеспечить больной дочке постоянное наблюдение кардиологов.

Только когда ей исполнилось восемнадцать, Наташа вместе с родителями решилась на помощь хирургов. Но оказалось слишком поздно, изменения в ее органах из-за нарастающей сердечной недостаточности и вызванного ею кислородного голодания сделались необратимыми. При том уровне медицины даже при удачном исходе операция уже не спасала. Ни один специалист не брался предсказать, сколько ей суждено прожить. Финал мог наступить в любой момент. И все же дважды в год она исправно ложилась в стационар для поддерживающего лечения, пока пожилые родители внезапно не скончались от инсультов с разницей в несколько месяцев.

И вот на этот раз она попала в больницу уже с машиной скорой помощи.

Анатолий долго поджидал момент, когда ходячие соседки по палате ушли на обед. Наталья оставалась на строго постельном режиме и в коридоре не показывалась.

Он и сам не знал, какой ожидал найти Наташу, но теперешний вид больной просто ошеломил. Конечно, как он успел убедиться, одно дело знакомый человек вне больничных стен, и совсем другое, когда он внезапно предстает перед тобой в качестве пациента. Но тут оказалось совершенно иное.

Перед ним, полуприкрытая пустым пододеяльником, лежала посторонняя пожилая женщина в больничной рубашке, почти старуха. Он засомневался, а где же его знакомая, может, он как-то умудрился перепутать палату? Но нет, никакой ошибки, та же худоба, контрастный с белизной постели черно-баклажанный цвет кожи... Только волосы почему-то густо осыпаны не то серебром, не то мукой, и на узнаваемом востроносом лице сетка отсутствовавших прежде морщин.

Молча продолжал стоять у входа и неотрывно смотреть на нее, не представляя, чем можно объяснить такую разительную перемену. Его недолгий жизненный опыт не давал совершенно никаких подсказок. Память подсунила лишь виденный в детстве назидательный фильм «Сказка о потерянном времени», в котором старые негодяи волшебством возвращали себе утраченную молодость за счет лентяев-третьеклассников, превращенных ими в дряхлых стариков. И еще смутное воспоминание о лекции по биологии, где студентам рассказали о редчайшем генетическом нарушении, дающим такую же картину, как сейчас перед ним. Память не подвела, он даже вспомнил название — «прогерия», во как!

Многими годами позже при знакомстве с маленьким героем рассказа Бредбери, стареющим с каждым оборотом карусели, Анатолию живо припомнилось жуткое превращение Наташи. И еще раз, когда агенты Малдер и Скалли в «Секретных материалах» попали на судно в океане, на котором процесс старения шел многократно быстрее реальной жизни.

Но сейчас он не сомневался, что перемены во внешности Наташи связаны с ее основным заболеванием, даже если и тут не обошлось без генетики.

— Привет! Я помню тебя...— задумчиво сообщила она, глядя его совсем не старческими глазами, и тут же поправилась: — Вас...

— Я тоже, — поспешно заверил он. — Только, давай снова на «ты», ладно? Что за новости...

Она согласно, совсем не радостно улыбнулась в ответ, сразу посерьезнев:

— Гадство! Как все несправедливо...— пожаловалась больная с отчаянием, и в ее без того влажном взгляде блеснула слеза.

— Что «все»? — попытался уточнить он, подозревая, что подразумевается неэффективность лечения, оставляющего ее один на один с безжалостной болезнью, равнодушие ко всему привыкшего персонала и то, что он явился здоровым и на ногах в то время, как она беспомощно распластана перед ним на больничной койке.

— Ну, жизнь, вся жизнь несправедлива! Понимаешь? — почти выкрикнула она в ответ, в маленькой тесной палате на четыре места в этот момент никого, кроме них, по-прежнему не находилось.

— Поцелуй меня...— неожиданно попросила эта столь быстро постаревшая женщина с жутко знакомым темным лицом под аккуратно уложенными назад седыми волосами. И тут же жалобно, почти шепотом добавила: — ...Пожалуйста...

Не раздумывая, он послушно наклонился и осторожно тронул губами напоминавшую пергамент дряблую щеку.

— Не так! — требовательно выдохнула она с прежним пылом, явственно обдавая запахом ацетона изо рта.

На этот раз, преодолев внезапную брезгливость, Анатолий резко приложился к тут же ответившим сухим губам, и она с неожиданной силой обвила его руками, прижалась плоской грудью, выгнувшись в кровати. Ничего он не чувствовал к ней, кроме жалости, смешанной с отвращением к такому необъяснимому постарению. Это просто лекарство, акт милосердия со стороны врача, опять же — клятва Гиппократы, мать его! Тут же мысленно заверил он себя.

Наташа попросила достать сигарету.

— Тебе же нельзя! — возмутился Толик и напомнил, что сам не подвержен этой заразе.

— Свои ты не куришь! — невесело усмехнулась она и задушевно уверила: — Мне давно все можно... Ну, раздобудь, хоть парочку, чего тебе стоит, а?

Он прошелся до мужского туалета и нашел у больных сигареты попримичнее. Зажигалка у Наташи наверняка имелась своя.

Анатолий присел возле нее на стул, втиснутый между двух кроватей, не зная, что еще сказать обреченной пациентке, и уже собирался было уйти, как она привстала и несмело коснулась его руки своими тонкими леденящими пальцами.

— Можно тебя еще попросить?

— Давай, попробуй, — великодушно согласился он, боясь показаться невежливым.

— Знаешь, я хочу исповедаться...

«Я-то тут причем?!» — чуть не возмутился он, не задумываясь над словами Наташи.

— Моя тетя обещала привести батюшку. Только вот, боюсь, не разрешат... Договорись с заведующей, чтобы не возражала?

Для него проще всего было бы сослаться на то, что это дело лечащего доктора, он же не имеет никакого отношения ни к палате, ни к ее лечению, так, сбоку припека, интерн на птичьих правах, далеко не самостоятельный врач. Но она надеялась именно на НЕГО!

Только теперь он заметил в глубоком вырезе больничной рубашки маленький серебряный крестик «СПАСИ И СОХРАНИ» на шелковом шнурке, ниже и по центру

от полоски лейкопластыря, перехлестнувшей под остро выпиравшей ключицей пластиковую трубку катетера с резиновой заглушкой. Почему бы не позволить Наташе, если она того хочет, если уверена, что это ей необходимо. Кто может знать, сколько ей отпущено? При любом раскладе недолго... В конце концов, можно посчитать такое психотерапией, лекарством, если не исцеляющим, то способным хоть немного облегчить ей состояние. Хуже точно не будет.

Только вряд ли упертая коммунистка пенсионного возраста, заведующая здешней кардиологией, даст добро на визит священнослужителя. А ну, как узнает тутошний секретарь парторганизации? Еще, не дай бог, не получит очередную грамоту за доблестный труд! Впрочем, какое она имеет право препятствовать, возможно, последнему желанию безнадежной пациентки, которой сама ничем не может помочь?

— Не надо никому ничего говорить, мало ли что ей в голову взбредет! Пусть твоя тетя приводит, только после четырех, когда все врачи разойдутся.

Он высказался и почувствовал облегчение, хоть одной проблемой меньше.

— Ты завтра заглянешь? — робко спросила Наталья напоследок, когда в палату начали возвращаться соседки.

Озадаченный посетитель только согласно кивнул, неужели, к ней никто, совсем никто не ходит? Как же так вышло, что он вдруг самым странным образом оказался для нее наиболее близким человеком? Что за чудеса! Уже потом узнал от лечащего врача, что после смерти родителей из Наташиной родни осталась только преклонного возраста тетка, которая не могла часто навещать племянницу.

Следующим утром на общей с кафедральными сотрудниками пятиминутке дежурный врач доложил, как у больной с запущенной пентадой Фалло вечером внезапно развился молниеносный отек легких. Ее даже не успели перевести в палату интенсивной терапии, чтобы оказать помощь в полном объеме.

Наташа не дожила месяца до собственного тридцатилетия. И мамина сестра так и не успела привести для ее успокоения обещанного батюшку...

Необычный случай Натальи, точнее, болезнь и смерть молодой по возрасту женщины, сделались основной темой в ординаторской, а также для пары клинических и одной патологоанатомической конференций. Обсуждали подробно, особенно поразительно скорое постарение больной. Оказывается, еще в прошлые поступления она сообщила о прекращении менструаций, а гинеколог вместо ожидаемой при таких жалобах беременности обнаружил у пациентки ранний климакс. Высказывались и о вероятности прогерии. Но, при отсутствии генетических исследований, осталось только гадать, действительно ли редкий генетический дефект имел место у несчастной или быстро прогрессирующее постарение объяснялось недостаточностью кровоснабжения всех органов и желез при тяжелом пороке сердца.

Впрочем, выяснение причин могло интересовать в основном кафедральных работников. Анатолий же не видел в том особого смысла. Для умершей это точно уже не имело никакого значения.

Девушка предчувствовала скорый конец и потому изо всех сил старалась жить полной, по ее представлениям и возможностям, жизнью, изо всех сил пытаясь приспособиться к ее необычной быстротечности. Разве можно за то осуждать, кидать в нее камни, тем более, о покойных принято говорить только хорошее или вообще ничего... Анатолий не мог представить, чтобы за отпущенный ей краткий век она могла принести вред кому-то или совершить подлость по отношению к другим.

*Тили-тили-тили-ти,
красные сапожки...*

Все оказалось predeterminedено за Наташу с момента появления на свет и даже раньше. Сначала неблагоприятные обстоятельства и далеко не лучшая наследствен-

ность. Затем невнимание медиков без опыта и достаточных знаний. Родители сами решили, как будет лучше то ли для дочери, то ли для себя, разумеется, желая ей только блага. В результате девочке досталось только то, что досталось, намного меньше, чем другим, всего лишь недолгая жизнь, лишенная здоровья. Но зато ее собственная! И она прожила ее, как сумела.

Об этом размышлял доктор Анатолий Иванович, недавно принятый штатным ординатором отделения кардиологии, солнечным воскресным утром неторопливо гуляя с маленьким сынишкой по аллеям парка. Конечно, для его сына, в отличие от Наташи, все складывалось неплохо с самого рождения. Ничем серьезным пока не болел — тьфу, тьфу! Развивается по возрасту нормально, вниманием родителей, дедушек и бабушек не обделен, в общем, ни в чем не нуждается. Только живи и подрастай себе и близким на радость... Но как быть уверенным, что судьба не уготовила где-то впереди неведомую пока, могущую вмиг все перечеркнуть, каверзу? Знать бы заранее, каким он вырастет! Человек лишь предполагает...

«Гадство! Как все несправедливо...» — Анатолий не мог забыть последний вскрик души обойденной счастьем Натальи. Хотелось надеяться, что к нему и его близким это никак не относится, но будущее сына теперь зависело и от него тоже.